

Русская мысль - Париж -
1995 - 5-11 стр. - с. 15

«Героиней и героем я равно оболыщена...»

Марина Цветаева
на сцене парижского Дома поэзии

Офелия Ореккия в роли Марины.

«Я пыталась очер-
тить образ поэта, воз-
любленной и матери
на фоне русской ре-
волюции», — коммен-
тирует свою пьесу
Мишель Мани. Из
всех ипостасей Цве-
таевой в спектакле
больше всего удалась
возлюбленная.

Марина в исполне-
нии Офелии Ореккии
красива, слишком
красива — своей ма-
товой белизной кожи,
иссинно-черными во-
лосами, изящными
туалетами, напоми-
нающими парижанку
из «прекрасной эпо-
хи». Актриса талант-
ливо играла женщи-
ну, жаждущую любви
и внушающую лю-
бовь. Конечно, можно
было истолковать ее
утонченность как
проявление свойств
поэтической природы,
но в спектакле де
Мольна это приметны

Этой осенью программа парижско-
го Дома поэзии была посвящена Рос-
сии. Вернее, ее четырем поэтам: Ах-
матовой, Пастернаку, Мандельшта-
му и Цветаевой. Конференции с уча-
стием ведущих французских славис-
тов, фотовыставка и три спектакля:
«Рильке, Пастернак, Цветаева» (по
«Переписке втроем», выпущенной
издательством «Галлимар»), «Цвета-
ева—Ахматова, оратория любви и
изгнания» и «Марина. Последний ру-
мянец на щеках». Этот третий спек-
такль поставлен Мишелем де Моль-
на по одноименной пьесе канадской
актрисы и режиссера Мишель Мани,
вдохновившейся биографией Цветае-
вой, а также ее дневниковыми запи-
сками и «Повестью о Сонечке». Из
«Повести» Мишель Мани взяла не
только название («Я счастлива, что
мой последний румянец пришелся на
Сонечку...»). Вся пьеса — по инто-
нации, по сюжету, по кругу действу-
ющих лиц (Марина, Володя, Сонеч-
ка и незримо присутствующий Юрий
— это имена прототипов, актеров
вахтанговской студии Юрия Завад-
ского, Сонечки Голлидей и Владими-
ра Алексеева) ориентирована на «По-
весть о Сонечке», и на эту сюжетную
канву Мишель Мани довольно искус-
но нанизывает строки Цветаевой, взя-
тые из самых разных источников.
Так, в письмо Анне Тесковой, напи-
санное 12 июня 1939 г. из Парижа
перед отъездом в СССР, М.Мани вво-
дит цветаевские строки о России, ко-
торая не существует больше, «на
месте которой только буквы: СССР».
Этот прием используется очень орга-
нично.

«Когда мне впервые попался на
глаза цветаевский текст, — пишет
М.Мани, — я была взбудоражена, по-
трясена этим криком, брошенным
поверх эрм и модных поветрий».

Действие пьесы (и спектакля) на-
чинается и заканчивается на вокзале,
где Марина Цветаева в 1939 году, на-
всегда покидая Францию, воспомина-
ет свою московскую жизнь 1917—
1919 годов — как она описана в «По-
вести».

Тема вокзала, отъезда, неустроен-
ности как метафора жизни Цветаевой
очень наглядно отражена в сценогра-
фии — не только чемоданы, выстав-
ленные на авансцене, но и вся до-
машняя обстановка квартиры в Бо-
рисоглебском переулке представле-
на разных размеров свертками. За-
вернутые в белую бумагу и перевя-
занные веревками, они расставлены
или просто свалены на полках, тяну-
щихся по всей задней части сцены.
Между ними — световые проходы,
«пространство Сонечки», как называ-
ет их автор пьесы.

скорее женщины светской, затаенной
в странный водоворот чувств к мужу,
отсутствующему по причине войны,
и к возлюбленным обоих полов.

Образа поэта не получилось, уже
хотя бы потому, что в течение длин-
ного, более двух часов длящегося
спектакля совсем не звучат стихи
Цветаевой (а ведь к «Повести» при-
мыкают и цикл «К Сонечке», и «Ко-
медиянт», и драмы...). Стихи появля-
ются только в финале (вернее, вме-
сто финала) — стихи к Чехии. Но
функция их здесь другая, утилитар-
ная — объяснить причину ухода Ма-
рины из жизни несовместимостью с
«эпохой» («Отказываюсь — быть. В
Бедламе нелюдей...»).

В этом спектакле выявилась невоз-
можность «реалистического» прочте-
ния биографии поэта. Как изобра-
зить, сыграть Цветаеву, если у каж-
дого читающего ее неизбежно возни-
кает свой образ и если единственная
истинная реальность ее существова-
ния — это ее поэзия... И к этой Ма-
рине образ, поданный Офелией Оре-
ккией, отношения не имел, даже ес-
ли, как уже говорилось, ее роль по-
чти целиком состоит из цветаевских
текстов.

Другое дело — Сонечка! Сонечка
Голлидей в «Повести» выписана так
живо, так выразительно, так театр-
ально, что, кажется, играть ее — од-
но удовольствие. Подлинно цветаев-
ское в этом спектакле заключено в
Сонечке — Люсиль Журдан. «Пере-
до мной — живой пожар. Горит все,
горит — вся. Горят щеки, горят губы,
горят глаза... горят, точно от пламе-
ни вьются, — косы. И взгляд от это-
го пожара такого восхищения, тако-
го отчаяния, такое: боюсь! такое:
люблю!» Люсиль Журдан и играет
этот пожар — всепоглощающе, соче-
тая это с внешностью хрупкой «ин-
ститутки». Тема Сонечки сопровож-
дается какой-то приглушенной, слов
не разобрать, как на старой пластин-
ке, мелодией русского романса, в
звуках которого Сонечка не входит,
а медленно и таинственно вливается
на сцену.

Третий герой любовного треуголь-
ника — Володя (Филипп Фрекон) в
сравнении с «сонечкиным» запалом
Л.Журдан явно проигрывает полным
отсутствием личностного начала: он
только знак присутствия третьего,
мужчины. Но и этого было достаточ-
но Мишель де Мольна, чтобы вос-
создать маняще-двусмысленную ис-
торию любви троих с тактом, но без
ханжества. Как у Марины.

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж.